ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1653

Е. Н. Кузинер

«ПОЙДУ ДОМОЙ, ДОМОЙ ЭТО ЗНАЧИТ В ПОДВАЛ»: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ БЕЗДОМНЫХ ЖЕНЩИН

Правильная ссылка на статью:
Кузинер Е. Н. «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273—298. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653.
For citation:
Kuziner E. N. (2020) 'I Will Go Home', With 'Home' Meaning 'Basement': Homeless Women's Daily Practices and Coping Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 4. P. 273—298. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653. (In Russ.)

«ПОЙДУ ДОМОЙ, ДОМОЙ ЭТО ЗНАЧИТ В ПОДВАЛ»: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ БЕЗДОМНЫХ ЖЕНЩИН

КУЗИНЕР Евгения Николаевна — аспирантка, стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ekuziner@hse.ru
https://orcid.org/0000-0002-2475-1760

Аннотация. В статье рассматриваются повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин. Фокус на том, как проживают, переживают и справляются с ситуацией бездомности женщины, оказавшиеся без дома. Выделены две траектории попадания в ситуацию бездомности: утрата физического дома вследствие мошеннических операций с недвижимостью, пожара или других несчастных случаев и принуждение покинуть дом. Также рассматриваются три способа совладания с бездомностью: обращение за помощью в благотворительные организации; обращение за помощью к родственникам и друзьям; нормализация жизни на улице. В статье подчеркивается «невидимость» бездомных женщин и описываются причины женской бездомности и стратегии, которые они используют для выживания на улице.

Ключевые слова: гендер, бездомные женщины, дом, жизнь на улице, стратегии выживания

Благодарность. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Н. А. Нартовой, внесшей

‘I WILL GO HOME’, WITH ‘HOME’ MEANING ‘BASEMENT’: HOMELESS WOMEN’S DAILY PRACTICES AND COPING STRATEGIES

Evgeniia N. KUZINER[1] *— post-graduate student, research assistant of the Centre for Youth Studies*
E-MAIL: ekuziner@hse.ru
https://orcid.org/0000-0002-2475-1760

[1] National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article considers daily practices and coping strategies of the homeless women with a focus on how the homeless women live through, survive and cope with hardships. The author singles out two trajectories of how people become homeless: they either lose their home as a result of fraudulent property transactions, a fire or an accident or are forced to leave their home. The article also examines three ways to put up with homelessness: to seek help from charitable organizations; to ask family and friends for help; to normalize life on the streets. The article highlights that homeless women are “invisible” and describes the causes of female homelessness and survival strategies.

Keywords: gender, homeless women, home, life on the street, copying strategies

Acknowledgments. The author expresses sincere gratitude to the scientific advisor N. A. Nartova for her help in writing

значительный вклад в написание магистерской диссертации, на основе которой написана данная статья, а также организациям и проводникам, обеспечившим доступ в поле, и анонимным рецензентам, чьи комментарии и замечания помогли улучшить и доработать статью.

the Master's thesis, organizations and point men who made it possible to get access to the field as well as anonymous reviewers whose comments and remarks helped improve and finish the article.

Введение

В ситуации бездомности оказываются и мужчины, и женщины, однако ни в исследованиях, ни в медиа, ни в государственной политике не уделяется достаточно внимания женской бездомности — опыту бездомных женщин, причинам их бездомности, а также их стратегиям выживания на улице [Klodawsky, 2009].

В академической литературе, посвященной бездомности, некоторые исследователи пишут, что бездомность свойственна преимущественно мужчинам [Lenon, 2000; Алексеева, 2003]. В работах, рассматривающих исторический контекст бездомности, упоминается, что раньше преобладал образ бездомного как «бородатого грязного мужчины» [Austerberry, Watson, 1983; Williams, 2001]. В российских социологических исследованиях бездомные — это «в большинстве своем мужчины трудоспособного возраста, отслужившие в Вооруженных силах» [Социальные и правовые аспекты…, 2007: 14].

Однако бездомные — гетерогенная социальная группа, включающая представителей обоих полов. При этом опыт, причины бездомности, практики выживания в сложной ситуации бездомных женщин отличаются от мужского опыта [Burt, Kohen, 1989; Bird et al., 2017]. Кроме того, бездомные женщины более стигматизированы, более уязвимы, чаще подвергаются насилию.

В статистических данных женщины также в основном остаются «невидимыми». Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., в Санкт-Петербурге зафиксировано 2902 бездомных домохозяйств, при этом число членов домохозяйств не указано[1]. При учете используются только данные бездомных, зарегистрированных в Городском пункте учета граждан РФ без определенного места жительства. При этом перепись не фиксирует состав таких домохозяйств, не регистрирует пол их участников. Официальная информация существенно отличается от статистики, которую ведут некоммерческие организации. По данным Межрегиональной благотворительной общественной организации «Ночлежка», в Санкт-Петербурге в 2018 г. проживало около 60 000 бездомных[2]. Такая разница в цифрах объясняется тем, что многие люди, оказавшиеся в ситуации бездомности, не обраща-

[1] Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-3-5.pdf (дата обращения: 02.09.2020).

[2] Справка о численности бездомных в Санкт-Петербурге (статистические и расчетные данные) // Благотворительная организация «Ночлежка». URL: https://homeless.ru/upload/podschet.pdf (дата обращения: 02.09.2020).

ются в государственные социальные службы и не встают на учет, в статистике также не учитываются «скрытые бездомные», которые не имеют жилья и живут у родственников и друзей. Выше были приведены данные переписи населения, у которой другой принцип регистрации. В социологических исследованиях указывают, что среди бездомных в России 80 % — мужчины и 20 % — женщины [Социологический портрет бездомного…, 2008: 11].

При этом бездомные женщины не только почти «невидимы» в статистических данных, но и стигматизированы. Особенная стигма, которой подвергаются бездомные женщины, связана с идеей «дома». Исторически «женщина» и «дом» были неразрывно связаны, а женская бездомность рассматривалась как нарушение социального порядка [Oudshoorn, Berkum, Loon, 2018: 7]. Женщина, лишенная дома, виделась обществом как крайняя степень девиации, нарушение порядка, принятого государством и церковью [Casey, Goudie, Reeve, 2008: 902]. Исследовательский вопрос данной статьи: как проживают, переживают и справляются с ситуацией бездомности женщины, оказавшиеся без дома.

Роль «дома» в определении особенностей женской бездомности

Дискуссии о значении «дома» как рамки, через которую можно исследовать причины бездомности, поднимались не раз [Lawrence, 1995; Moore, 2007]. Важность «дома» для повседневной жизни индивидов конструируется разными акторами — государством, СМИ, обществом [Somerville, 1992: 532]. Дом концептуализируется не только как место, но и как «продукт общества, в котором мы живем» [Massey, 1995: 45]. Дом можно определить как «социальное пространство», «место психологического и эмоционального комфорта» [Easthope, 2004: 129], в котором люди чувствуют себя в безопасности [Padget, 2007: 1934].

Понятие «дома» тесно связывается с категорией «семьи» [Watson, 1984; Mallett, Rosenthal, Keys, 2005], которая, в свою очередь, включает в определение социально-культурное и историческое понимание роли женщины в «доме» как хозяйки [Passaro, 1996]. Поэтому бездомность понимается как отсутствие места, где человек может проводить свое время в безопасной и приватной обстановке, один или с семьей. Данная точка зрения концептуализирует дом как безопасное место. Однако феминистские исследователи критикуют данную позицию, утверждая, что дом может быть также местом домашнего насилия, а приватность — причиной, по которой женщины стигматизируются, терпя домашнее насилие [Malos, Hague, 1997]. То, что для кого-то может быть идеальным домом, для другого может оказаться местом постоянного угнетения и насилия [Wardhaugh, 1999]. Понятие дома — разное для мужчин и женщин, следовательно и опыт жизни на улице, и причины бездомности у них будут разные.

Несмотря на феминистскую критику, дискуссии на тему безопасности «дома» все еще превалируют в академической среде. Например, социолог-урбанист Мария Кайка определяет «дом» как место, в котором человек не испытывает страха и волнения и может жить независимо без влияния политических и социальных процессов [Kajka, 2004: 266]. Социальный исследователь Р. Мур рассматривает «дом» как позитивное место, где человек испытывает позитивные эмоции и чувство защиты [Moore, 2014: 148].

Несмотря на то, что сегодня понятия «дом», «семья» и «женщина» уже не так тесно связаны, считается, что эта связь объясняет, почему бездомность чаще всего ассоциируется с мужчинами-одиночками и почему бездомные женщины рассматриваются как девиация [Mayock, Bretherton, 2016: 47]. Так как исторически «женщина» и «дом» были неразрывно связаны, а женская бездомность рассматривалась с точки зрения социального порядка, повседневная жизнь женщины подчинялась определенному гендерному порядку, определявшемуся патриархальным укладом [Oudshoorn, Berkum, Loon, 2018]. Например, в викторианской Англии женщина, лишенная дома, виделась обществом как крайняя степень девиации, нарушение порядка, принятого государством и церковью [Casey, Goudie, Reeve, 2008]. В результате бездомные женщины либо криминализировались, либо игнорировались как то, чего в патриархальном обществе просто не может быть. В одной из первых социологических книг, посвященных бездомности и бродяжничеству, «The Hobo: The Sociology of the Homeless Man» Н. Андерсена описывается, что, в отличие от мужчин, в начале XX века в Америке женщинам было запрещено передвигаться самостоятельно из города в город [Anderson, 1923].

В целом феминистские исследователи рассматривают бездомность как продукт бедности и считают, что опыт бездомных мужчин и женщин различен [Wentzel, 2009]. Женская бездомность — более комплексное и сложное явление, так как в традиционной нуклеарной семье женщины выполняют несколько ролей: хозяйки, матери, жены [Özbilgin, 2011]. Например, когда женщина выполняет роль домашней хозяйки и не получает никакого дохода за свою работу, в случае разных обстоятельств она легко может стать бездомной.

Одной из первых феминистских работ, посвященных проблемам бездомности и гендерным особенностям, стала работа британских феминистских исследовательниц Хелен Аустерберри и Софи Уотсон [Austerberry, Watson, 1981]. Они изучали социальную жилищную политику Великобритании и раскритиковали ее с феминисткой точки зрения как потворствующую укреплению патриархатной капиталистической структуры семьи [Austerberry, Watson, 1981:49]. В дальнейшем роль женщины в такой структуре станет ключевым фокусом феминистского анализа. Х. Аустерберри и С. Уотсон показали, что такое представление о семье и «доме» влияет на восприятие и стигматизацию бездомных женщин [Austerberry, Watson, 1981: 51]. Данная работала была написана в начале 1980-х годов, и стоит учесть, что за последние 30 лет благодаря феминистскому движению положение женщины в семье поменялось в лучшую сторону — роль женщин перестала сводиться только к материнству и замужеству, все больше женщин стало занимать руководящие должности, увеличился процент женщин с высшим образованием. Об этом в дальнейшем писали Х. Аустерберри и С. Уотсон, анализируя свои прошлые труды. Однако несмотря на это, некоторые исследователи утверждают, что вместе с гендерным равенством пришло и «равенство в бедности» — увеличилась доля бездомных женщин, так как женщины перестали быть «привязанными» к дому и домохозяйству [Edgar, Doherthy, 2001].

С. Уотсон [Watson, 2000], анализируя свою предыдущую работу, также пишет, что, несмотря на прогресс в гендерном равенстве, женщины все еще дискриминируются на рынке труда, уходят в декрет чаще мужчин и чаще не могут позволить

себе арендовать или купить жилье без посторонней помощи. Исследовательница также заключает, что для концептуализации женской бездомности необходимо учитывать структурные и психологические факторы, личный опыт женщин, в особенности переживание насилия.

Представители интерсекционального феминизма подчеркивают, что при изучении женской бездомности важно учитывать исторические и социокультурные контексты, влияющие на опыт женщин. Социологи Билл Эдгар и Джо Доэрти, соглашаясь с тем, что важен индивидуальный опыт женщин, также добавляют, что важно учитывать общие особенности женской бездомности [Edgar, Doherthy, 2001].

Понятия «женщина», «семья» и «дом», со временем утрачивают силу своей связи, но эта связь объясняет особое маргинализированное положение бездомной женщины. Сам «дом» представляется разносторонним концептом, обладающим порой несовместимыми характеристиками, например «безопасность» может граничить с «опасностью» для разных групп людей, и не всегда эти различия обусловлены гендером. Феминистские исследователи уделяют большое внимание опыту женской бездомности, связывая его как со структурным неравенством (например, неравной оплатой труда), так и с личным опытом каждой женщины. Некоторые исследователи скептично относятся к разделению опыта женской и мужской бездомности. Однако нужно понимать, что социальное положение мужчин и женщин в разных странах, где проводятся исследования гендерного аспекта бездомности, также различается и отражается на результатах исследований в целом.

Повседневные практики и стратегии выживания женщин в ситуации бездомности

Женщины прибегают к различным практикам и стратегиям совладания с бездомностью и выживания в ситуации бездомности, среди которых: секс-работа, использование социальных связей и ресурсов, использование общественных пространств, поиск мужчины, обращение за помощью и другие. На разных этапах ситуации бездомности женщины используют различные стратегии совладания. Так как траектории бездомных различаются внутри самой группы и зависят от многих факторов, структурных и индивидуальных, то и смысл, который бездомные придают «дому», будет разный, как и те практики, через которые они этот «дом» пытаются получить.

Американская социальная исследовательница Дженнифер Уизели выделяет уязвимость и страх как определяющие факторы, влияющие на повседневные практики женщин [Wesely, 2009]. Бездомные женщины чаще, чем мужчины, вынуждены заботиться о своей безопасности, искать себе компаньонов, чтобы чувствовать себя защищенными. Исследовательница пишет, что женщины использует секс как одну из стратегий выживания на улице. Из страха попасть в опасность они вступают в отношения с мужчинами, обменивая таким образом секс на безопасность. Другие исследователи подчеркивают, что чаще всего такие партнерства носят вынужденный характер [Casey, Goudie & Reeve, 2008]. Дебора Фингфгелд-Коннет пишет, что, хотя отношения с мужчиной обеспечивают бездомным женщинам безопасность от других, часто в таких парах женщина становится жертвой насилия и/или начинает употреблять алкоголь [Finfgeld-Connett, 2010].

Американский социолог Мария Гилфус называет секс-работу одной из стратегий выживания молодых бездомных женщин. Исследовательница подчеркивает, что данная стратегия выживания содержит в себе много рисков, а также что насилие и стигматизация женщин в обществе связаны с экономическим неравенством [Gilfus, 2006: 13].

Другие исследователи, изучая повседневные практики бездомных женщин, одной из стратегий совладания с бездомностью называют использование общественных пространств [Casey, Goudie, Reeve, 2008]. Общественные места (торговые центры, библиотеки, музеи и т. д.) играют важную роль в повседневной жизни бездомных женщин и служат не только для того, чтобы помыться, поспать, провести время в тепле, но и помогают им сохранять свой статус, отделяться от других бездомных. По мнению исследователей, используя общественные пространства, бездомные женщины таким образом заявляют свое право на то, чтобы быть «видимыми», быть как все, несмотря на свое положение. В своем исследовании британские социологи Риона Кейси, Розалин Гоуди и Кейша Рив называют использование общественных мест бездомными женщинами не стратегией совладения с бездомностью, но стратегией борьбы с бездомностью как с исключенностью. При этом, чтобы пользоваться общественными пространствами, бездомные женщины должны соблюдать определенные правила: быть невидимыми для охраны, появляться в определенные часы работы заведения и так далее [Casey, Goudie, Reeve, 2008]. Однако чем больше женщина живет на улице, тем тяжелее ей пользоваться общественными местами. Этнограф Джулия Вудроу, объясняя тот факт, что среди бездомных женщин очень много тех, чья бездомность носит «скрытый» характер (те, кто живут у друзей и родственников), предполагает, что улицы остаются «мужским» местом. Если женщина все же оказывается на улице, то чаще всего вступает в отношения с мужчиной, чтобы быть под его защитой [Wardhauh, 1999: 104].

Сандра Клитцинг исследует стратегии выживания среди женщин, проживающих в приютах. Она рассматривает бездомность как состояние стресса и выделяет следующие стратегии выхода из него: решение проблем, одиночество, общение с другими [Klitzing, 2010]. Решение проблем заключается в активных действиях по выходу из ситуации бездомности — поиск работы, восстановление документов. В приютах, где нет своего пространства, нахождение в одиночестве может быть одной из повседневных практик бездомных женщин. Дополнительно исследовательница выделила развлечения и религиозные практики как способы совладания с бездомностью. Еще одна тактика совладания с бездомностью — отрицание своей бездомности и противопоставление себя и других бездомных. Женщина может жить в приюте, но при этом иметь работу, иметь возможность оплачивать свои счета и не считать себя бездомной [Takahashi, McElroy, Rowe, 2002].

В исследованиях женской бездомности необходимо учитывать как структурные факторы и уровень гендерного неравенства в стране в целом, так и личный опыт конкретной женщины, ее собственное представление о доме и своей роли в нем. Бездомные женщины по-разному организуют свою жизнь и прибегают к различным стратегиям выживания, по результатам обзора литературы можно выделить следующие: использование «женского капитала», социальных связей и ресурсов

(коммуникативная стратегия), общественных пространств. На разных этапах ситуации бездомности женщины используют различные стратегии выживания.

Методология и эмпирическая база исследования

Исследование было проведено с октября 2018 по март 2020 г. и выполнено в качественной парадигме как наиболее подходящей для работы в сензитивном поле. Основным методом исследования выбран биографический метод, а данные были собраны с помощью биографических полуструктурированных интервью.

В данной работе как дополнительный используется метод включенного наблюдения. Как отмечает Дженнифер Хулачан, данный метод как часть этнографичекой стратегии подходит для исследований, связанных с изучением дома, а также уязвимых социальных групп [Hoolachan, 2016], поскольку позволяет за время исследования создать доверительные отношения с исследуемой группой. Това Хольденстрад в своей этнографической работе, посвященной бездомности в России, отмечает, что именно этнографическая стратегия исследования и качественная методология в целом помогают соединить индивидуальные биографические траектории и социально-политические контексты на макроуровне [Höjdestrand, 2009].

Для проведения включенных наблюдений я использовала свой статус волонтера в нескольких некоммерческих организациях. Так, наблюдения были проведены во время раздачи еды бездомным в нескольких точках Санкт-Петербурга, во время дежурства с волонтерами-медиками при оказании первой помощи бездомным. Также было проведено несколько наблюдений в заброшенных домах, в которых проживали группы бездомных. Основной фокус наблюдения: взаимодействие бездомных между собой, быт, социальные практики, взаимодействия с волонтерами. Наблюдение проводилось в течение всего времени исследования, было осуществлено 42 наблюдения продолжительностью от часа до четырех часов в среднем.

С помощью наблюдения я смогла подробнее изучить рутинные практики бездомных женщин, а также зафиксировать визуальные характеристики: различия в условиях проживания в разных местах, особенности организации быта и пространства в заброшенных домах и приютах. Также были определены вербальные и коммуникативные практики бездомных женщин: с кем и как они общались.

Доступ в поле и рекрутинг информанток

Изначально доступ в поле осуществлялся через благотворительные организации, оказывающие помощь бездомным в Санкт-Петербурге,— «Ночлежка», «Мальтийская служба помощи» и «Благотворительная больница». Большинство моих наблюдений было осуществлено во время волонтерства в этих организациях. План заключался в том, чтобы брать интервью у жительниц приютов при «Ночлежке» и «Мальтийской службе помощи», а также в заброшенных домах в период волонтерства в проекте «Благотворительная больница». При «Ночлежке» в Санкт-Петербурге действуют реабилитационный приют и ночной приют, а также палатки обогрева, работающие с осени по весну. При «Мальтийской службе помощи» открыт мобильный приют для бездомных — стационарная палатка вместительностью до 40 человек. «Благотворительная больница» — волонтерский проект, оказывающий медико-консультационную помощь бездомным людям.

Я пыталась рекрутировать информанток, общаясь с ними и договариваясь на интервью во время своего волонтерства, но процент отказов был достаточно высоким, как и негативные реакции. После этого я решила, что нужно заходить со стороны самих организаций, ее сотрудников, которые непосредственно общаются с бездомными женщинами, смогут послужить доверенным лицом между мной и информанткой, проконсультировать меня по особенностям общения на сензитивные темы с бездомными женщинами и предоставить безопасное и комфортное пространство для проведения интервью.

Я связывалась с сотрудниками «Ночлежки», с которыми познакомилась во время волонтерства, они, в свою очередь, познакомили меня с психологами и социальными работниками, имеющими опыт работы с бездомными женщинами. Через них я проводила рекрутинг информанток. Я подробно рассказывала о цели своего исследования, после чего сотрудники помогали мне в поиске информанток, спрашивая среди жильцов «Ночлежки», есть ли желающие дать интервью. После получения согласия мне давали контакты информанток. Я связывалась с ними и подробно рассказывала об исследовании и договаривалась о месте и времени проведения интервью.

В мобильной палатке для бездомных «Мальтийской службы помощи» я рекрутировала информанток через связи с врачами «Благотворительной больницы», которые туда приходили для оказания медицинской помощи людям, проживающим в палатке. Изначально я входила в поле как волонтер, просила врачей познакомить меня с информантками и дальше рассказывала про себя, цели своего исследования и договаривалась об интервью. К сожалению, так как в данном приюте люди часто съезжают в другие места, проводить интервью приходилось сразу же после получения согласия на него. Так, большинство моих информанток к моменту написания данного текста уже не проживают в мобильной палатке, место их нахождения проследить трудно.

На второй год исследования я решила найти информанток в наиболее труднодоступной группе — уличных бездомных. В данном поле с помощью волонтеров и опытного проводника мне удалось рекрутировать только двух информанток, остальные отказывались от интервью, поэтому основную информацию я получала из наблюдений, сидя за столом во время приемов пищи бездомными и наблюдая за тем, как и с кем женщины общаются, как устроен их быт.

Всем своим информанткам я подробно рассказывала об исследовании, своем опыте, гарантировала полную анонимность и получала вербальное согласие на интервью, записанное на аудио. В качестве поощрения за интервью я приносила заранее обговоренные с каждой информанткой вещи — средства личной гигиены, нижнее белье, сладости и так далее. Двум информанткам я положила по 200 рублей на телефон. Участницам исследования, с которыми интервью проходило в кафе, я предлагала оплатить кофе и угостить едой.

Участницы исследования

В своем исследовании я решила взять несколько групп бездомных женщин с разным опытом: женщины, проживающие в приютах города; женщины, имевшие опыт бездомности и на данный момент снимающие жилье; женщины, проживаю-

щие на улицах города. Несмотря на то, что количество принявших в исследовании информанток не может репрезентировать все группы бездомных женщин, таким выбором я пыталась показать их гетерогенность. Основной критерий выбора участниц интервью: возраст от 18 лет, опыт бездомности, ментальная дееспособность, согласие на интервью. Я не брала интервью с женщинами со «скрытой» формой бездомностью — теми, кто имеет проблемы с жильем, но пока пользуется своими ресурсами (живет у родственников, друзей, знакомых) и не обращается в городские и благотворительные службы помощи.

Всего было взято 17 интервью с женщинами, проживавшими в Санкт-Петербурге и имевшими опыт бездомности. Возраст информанток составил от 31 до 71 года; из них только у двух высшее образование, у четырех — среднее специальное; три женщины приехали в Санкт-Петербург из других городов России, четыре — из стран СНГ; десять женщин на момент интервью проживали в приютах благотворительных организаций, три снимали комнаты, одна женщина сначала жила в приюте, потом съехала в хостел, одна информантка жила в хостеле после того, как не смогла оплачивать съемную квартиру после потери работы из-за пандемии коронавируса; одна информантка проживала в заброшенном доме, одна — не имела определенного места для ночлега и ночевала «где придется».

Этические нормы исследования

В своем исследовании я руководствовалась принципом анонимности. Анонимность была соблюдена посредством использования псевдонимов в транскриптах и цитатах. Фотографии, которые я делала в ходе наблюдений, были сделаны с согласия информанток, без фотографирования их лиц. Вся информация, содержащая личные данные участниц (включая аудио, транскрипты), защищена паролями и хранится в одном месте.

В ходе интервью затрагивались сензитивные для информанток темы. В данном случае я выступала как эмпатичный слушатель, без своего оценочного мнения, советов или комментариев. Перед интервью я также делала акцент на том, что участницы исследования в праве не отвечать на сложные для них вопросы. Для того, чтобы максимально не нарушать границы своих информанток и не навредить им, я консультировалась с психологами благотворительной организации «Ночлежка», которые имели длительный опыт работы с бездомными женщинами. Все женщины были проинформированы о записи интервью на диктофон, было получено вербальное согласие на запись и использование материалов в исследовании на правах анонимности.

Собранные в ходе исследования интервью были дословно затранскрибированы. Анализ полученных эмпирических данных выполнен методом открытого кодирования в логике обоснованной теории (версия А. Стросса и Б. Глейзера), с применением элементов нарративного анализа.

Дом, которого нет: повседневные практики бездомных женщин

Женщины, имеющие опыт проживания на улице, ночевали чаще всего в подвалах, на чердаках и в заброшенных домах. Далее речь пойдет о тех женщинах, которые проживают «на улице», а не в приютах благотворительных организаций.

В данном случае «дом» — это физическое место, жилье, за которым надо следить и обустраивать. Поиск подходящего жилья занимает важное место в жизни бездомных — чем надежнее будет «дом», тем дольше можно будет в нем прожить. Идеальное место для жизни в принципе мало чем отличается от обычных условий, привычных для большинства людей — наличие горячей и холодной воды, электричество или возможность его проведения, возможность быть незамеченными жителями подъезда, отсутствие других бездомных. Чаще всего поиском жилья занимался партнер, с которым была женщина. Ввиду небольшой выборки сложно судить, с чем связан этот выбор, с опытом партнера или с тем, что в данных случаях мужчины играют роль добытчиков и в случае чего могут действовать с позиции силы (например, выгнать чужаков).

> *Нет, я, конечно не выбирала, Серега выбирал. Знал все подвалы, потому что он когда токсикоманил же, с пакетом там ночевал, там нальет, по подвалам бегает, так-то по улице не пойдешь. Ну что, они же все одинаковые, здесь я вот не знаю ни чердаки, ни подвалы.* (Интервью № 3, Наталья Алексеевна, стаж бездомности 19 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Количество жильцов в подвале или на чердаке жилого дома должно быть не больше трех, максимум четырех человек. Чем больше людей, тем больше вероятность оказаться замеченными жильцами подъезда. Если тебя заметят, то, скорее всего, придется уходить и искать новое жилье.

> *Вдвоем намного лучше. Во-первых, смотря какие условия. Компания это уже просто можно отдохнуть. Это днем. Мы же все равно общались. Днем там компанией можно посидеть. Там, где-то на поляне, уйти куда-то, допустим. А вот насчет ночи, чтоб зайти в парадную, это лучше вдвоем. Намного. Во-первых, он меня предупреждает, я его предупреждаю. Где тише, где что, а если толпой вот так…* (Интервью № 15, Ольга, 67 лет, стаж бездомности 19 лет, на момент интервью проживала в приюте)

В заброшенных домах количество жильцов может быть больше и зависит от его размера, количества помещений. Так, в большом заброшенном доме на Римского-Корсакова на момент исследования проживало более десяти бездомных: несколько пар, несколько одиночек и группа из нескольких мужчин, державшихся вместе. Все жили обособленно, в отдельных комнатах, было специальное помещение для туалета и общая комната-столовая, чтобы зайти к кому-нибудь в комнату, нужно было стучать. Несмотря на обособленность, существуют практики отмечания общих праздников, застолья. Очень развита коммуникационная сеть: если в другом конце дома поселился человек, об этом всем станет известно, как правило, в течение дня.

Существуют строгие правила проживания: адекватное поведение, соблюдение тишины (если это подвал или чердак), чистота. Нарушение этих правил критично для всей группы — шумом можно привлечь внимание жильцов, которые могут вызвать полицию и выселить бездомных.

Информант: Они запалили нам все.
Интервьюер: Как запалили?
Инф.: Кричали. Там девочка, ей 20 лет. Она постоянно со своим дерется, ругается. У нее нет такого — пришла, сидит дома, не выходит никуда. Там же через подъезд в подвал заходить, люди-то видят. Вот они начинают драться, ругаться, визги, писки. И все. В подъезде-то все слышно. (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

«Чтобы быть незаметными, бездомные, проживающие в заброшенных домах, селятся как можно дальше и глубже в доме — чем тяжелее попасть на „обжитый" этаж, тем лучше. Чтобы попасть к бездомным, проживающим в заброшенном доме, мне и моему проводнику пришлось залезать в маленькое окно, спрятанное за защитной зеленой сеткой (дом в аварийном состоянии), подниматься по полуразрушенным лестницам без перил и обходить старый холодильник, расположенный посередине коридора так, что остается только один маленький проход у стены, недостаточный по размерам для того, чтобы через него прошел взрослый мужчина» (Дневник наблюдений, 05.11.2019). То есть чтобы попасть к этим бездомным, нужно было действительно хотеть к ним попасть и знать точно, на каких этажах они живут. В другом заброшенном доме действовала целая оповестительная система — вдоль пола протягивалась веревка с банками и бутылками, чтобы было слышно, когда идет кто-то незнакомый.

При описании своего жилья многие информантки акцентируют внимание на привычных для всех бытовых вещах, делая свой дом как бы «нормальным», отличным от стереотипного жилья бездомного. Бытом, как правило, в бездомных семьях занимается женщина, задача мужчины — сделать электричество, настроить систему умывания при возможности, а также обеспечивать безопасность. Женщина обычно готовит и убирается.

Нет, нет, заходили в гости, но не так… я знаю, дофига таких знакомых, которые живут по десять человек и больше. Нет, мы жили только вдвоем. За еду там посидим, выпьем, покурим, вот так. То есть никто у нас не ночевал, никакого бомжатника не было. У меня была плитка, у нас был холодильник. <…> И вода есть, свет, и горячая, и холодная вода, естественно. Телевизор был, плитка тоже, кровать у нас там была, я готовила, все то же самое, как дома, только что да, вот трубы там, комнатушка там у нас была… то есть все такое необходимое. (Интервью № 3, Наталья Алексеевна, 51 год, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Интересно, как в этом отрывке просматривается символическое отделение себя от других, «бомжей». Именно дом и организация быта: поддержка порядка, чистоты, гигиена, — становятся основой такого разделения, нормализации. Можно выделить следующие стратегии нормализации быта: зонирование пространства, оборудование пространства мебелью и бытовой техникой, заведение домашних животных, соблюдение норм, принятых для домашних условий (например, вытирать ноги при входе).

Пространство зонируется, как в обычном доме: есть отдельно спальни, общее место — гостиная, отдельно место для туалета. Женщины в интервью и беседах подчеркивают, что создание таких бытовых условий делает их обычными людьми.

> *Нет, у меня было в комнатухе аккуратно, я подметала то есть, вот так же кидала бумажки, как кидают в мусорный пакет. А* [не] *так вот, знаешь, раз ты в подвале, значит можно вот так кидать, и срать, и ссать там, где живешь. Туалет у нас отдельно, там мы ходили. В этом плане у нас было все аккуратно. Стирала я белье — то же самое, как дома, все было.* (Интервью № 3, Наталья Алексеевна, 51 год, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Именно зонирование пространства дает женщине возможность получить большую приватность и свое пространство. Так, Нина жила вместе со своим партнером в отдельной комнате, у нее было отдельное место для приготовления пищи и туалетный столик с косметикой (см. рис. 1, 2). Она не пользовалась средствами, но ей было важно подчеркнуть, что это все у нее есть, как у нормальной женщины.

> *Инф.: Я не пользуюсь, я не крашусь вообще.*
> *Инт.: А зачем они тебе здесь?*
> *Инф.: Все равно надо.* (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

Рис. 1. Туалетный столик информантки Нины

Оборудование пространства мебелью и техникой (зачастую нерабочей) создает ощущение настоящего «дома» и уюта. «Нина рассказала, как однажды они принес-

ли в подвал, в котором проживали, телевизор с разбитым экраном, поставили его посередине помещения, как в обычных гостиных, и использовали в качестве светильника» (Дневник наблюдения. 13.11.2019). Для Нины и ее партнера было важно подчеркнуть, что они поставили его не где-нибудь, а именно в центре комнаты, как делают в обычных домах.

Рис. 2. Место для приготовления пищи в «гостиной»

Домашние животные, вероятно, также являются признаком домашнего уюта и обустроенности, служат нормализации быта.

> *Это мы жили в подвале на Лермонтовском, у нас котеночек маленький был, он только со мной спал, меня только любил.* (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

Гигиена, использование косметики — важная практика в нормализации быта бездомных женщин. Регулярно мыться, быть одетым в чистую одежду значит быть «нормальным», «небомжом». Рассказывая про места, в которых жили, одним из преимуществ женщины сразу называют наличие горячей и холодной воды, то есть возможность, регулярно мыться.

> *Вы понимаете, которые приходят бомжи утром, я от них в шоке. То есть я, конечно, себя сравниваю, я не ходила такая сраная и грязная. Помойки здесь понастроили, мы одевались с помойки то есть, люди в магазине меня спрашивали: «Наташ, а где ты вещи берешь?» Я говорю: «С помойки».* (Интервью № 3, Наталья Алексеевна, 51 год, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Если в пространстве, где живут бездомные, нет водопровода, то вода берется из туалетов торговых центров, заправок и других общественных мест. Там же можно и привести себя в порядок. Опрятный внешний вид — это ресурс, помогающий в получении помощи. Если ты не выглядишь как стереотипный бездомный, нормально пахнешь, то люди охотнее тебе помогут и в целом будут лучше к тебе относиться. В чистой одежде легче найти хорошую работу, тебя пустят в метро и другие общественные места.

> *Инт.: А ты была в рабочем доме? Расскажи.*
> *Инф.: Я сама туда обратилась, чтобы выспаться, подмыться, прийти в себя, ну, нормально чтобы устроиться на работу. Кому ты грязный, вонючий нужен? И, естественно, я туда обратилась. (Интервью № 4, Аня, 35 лет, стаж бездомности больше 20 лет, на момент интервью проживала в приюте, в дальнейшем съехала в хостел)*

С менструациями у большинства бездомных женщин нет проблем, потому что в силу сложных условий проживания, плохого питания и стресса их нет. Если же менструальный цикл сохраняется, то пользуются сподручными средствами — тряпками, бинтами. Гигиенические средства слишком дорогие и используются только если их получили откуда-то «извне», как благотворительную помощь. Разговор о детях — достаточно сензитивная тема, женщины, проживающие на улице или в приютах, не имеют возможности жить со своими детьми, поэтому неохотно и скупо рассказывают про своих детей. Беременности во время жизни на улице были у нескольких информанток. У Марины и Нины новорожденных детей отобрали сразу в роддоме. У Марины есть родственники в другом городе, ее бездомность носит эпизодический характер, она хочет вернуть своего ребенка и постоянно говорит об ситуации. Нина, долгое время проживающая в заброшенном доме, не имеющая никаких привязок к внешнему миру, отнеслась к ситуации как к тому, что она не в силах изменить:

> *Мне сразу сказали — не отдадим, у тебя ни прописки, ничего нет, куда ты его денешь?* (Интервью № 2. Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

«Мне показалось, что если бы Нине помогли, если бы в больнице к ней отнеслись по-доброму, то, возможно, она бы не отказалась от помощи благотворителей и смогла бы уйти с улицы. Равнодушие в больнице, возможно, сделало ее еще более недоверчивой к остальным людям» (Дневник наблюдения, 13.11.2020). Беременность может служить ресурсом для женщин. Если ты беременна, то тебе охотнее помогут. Благотворительные организации в первую очередь помогают беременным бездомным женщинам — за помощью для них можно обратиться в другие профильные организации, для беременных и женщин с детьми можно быстрее собрать необходимую благотворительную сумму, например на съем комнаты, еду и одежду. Так, Вера, оказавшая на улице беременной, прожила там полтора месяца, после чего ей и ее мужу сняли комнату, полностью оплатили обследование в больнице и обеспечили всем необходимым для ребенка.

Маркеры «дома» имеют ограничения: ты не можешь покрасить стены, поклеить обои, особенно если жилье расположено на чердаке или в подвале. «Дом» бездомного имеет свой срок существования — как правило, не больше года-двух, что зависит от местоположения (в заброшенных домах живут дольше, чем на чердаках или в подвалах) и отношений с соседями —жильцами этого дома.

В приютах повседневные практики строятся вокруг ресоциализации проживающих. У каждого жильца есть четкий план, которому он должен следовать: восстановление документов, поход по врачам, прохождение собеседований для поиска работы, работа с психологом.

> *Я в больнице лежала, и потом мне нужно паспорт российский и гражданство. И потом они меня согласовали и сюда подобрали меня. Сказали, что здесь помогут.* (Интервью № 8, Лариса Максимовна, стаж бездомности 2 года, на момент интервью проживала в приюте)

Женщины живут в общих комнатах, свое пространство ограничивается кроватью и тумбочкой, приватность отсутствует.

> *Да… как сказать… одна какая-нибудь крыса вот заведется наподобие этой. Ни покоя никакого нет. Ходит, сигареты собирает. Ходит, по ночам ползает. Кушает по ночам, чавкает. Шуршит этими, пакетами. Покоя никакого нет! Мы несколько дней не высыпаемся из-за нее* (Интервью № 13, Елена, 59 лет, стаж бездомности больше 20 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Приюты рассматриваются как временное место для жизни, из которого нужно побыстрее уйти. Жизнь в них строится по определенному администрацией распорядку, за нарушение правил из приютов выгоняют.

В поисках дома: стратегии выживания и практики самообеспечения среди бездомных женщин

Можно выделить следующие стратегии выживания бездомных женщин: обеспечение собственной безопасности, самообеспечение (поиск ресурсов, заработок), общение с «другими».

Безопасность для женщины на улице играет важную роль. Ни одна из моих информанток, чей стаж бездомности был больше месяца, не жила на улице одна: либо у нее появлялся партнер-компаньон (в нескольких случаях это была подруга-женщина), либо она попадала в приют благотворительной организации, не успев за короткое время обзавестись социальными связями на улице.

> *На улице одной тяжело, это я сразу говорю. Одна не выживешь. А вдвоем это надо, шобы конкретный был человек, чтоб можно было ему довериться как бы полностью.* (Интервью № 15, Ольга, 67 лет, стаж бездомности 19 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Сложно сказать, насколько такие связи прочны и длительны, но каждая информантка в беседах называла своего мужчину «мужем», при этом они не состояли в официальном браке. Возможно, это говорит также о желании нормализовать

свое положение. Нина рассказала, что до жизни с нынешним партнером у нее был другой, которого она заменила, когда его посадили в тюрьму.

> *В этой жизни одной бабе тяжело выжить, нужно, чтобы кто-то защищал, поддерживал, заботился.* (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

Алкоголь в нарративах бездомных женщин описывается как необходимость, как способ совладания с бездомностью. Также он используется для растирания ног, дезинфекции.

> *…А вот то, что на улице оказалась. Вот там, да. Там без этого не выживешь. Я это на себе испытала. Я не то что, там, надо в хлам напиться, сам себя не помнишь, а то, что надо грамм 150 маленькую за целый день, вот сколько там 250 грамм, этого достаточно, чтобы выпить, разогреться, организм чтобы согрелся. Этого достаточно.* (Интервью № 15, Ольга, 67 лет, стаж бездомности 19 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Еду бездомные собирают на помойках или у продуктовых магазинов. Для того чтобы получить наиболее ценные продукты, нужно знать определенное время и место, когда у супермаркетов выкидывают просроченные товары.

> *Кушать — я объяснила. По субботам на Адрес 1 кормят, а по средам мы ходим на Адрес 2. Там в 7 часов кормят.* (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

У женщин бывают мелкие непостоянные заработки. На рынках можно подружиться с владельцами лавок, помогать им уборкой или мелкими поручениями за еду, но за такую подработку, как правило, действует большая конкуренция (по материалам дневников наблюдений). Женщины чаще, чем мужчины, занимаются попрошайничеством.

> *Люди помогали и помогают до сих пор. До сих пор помогают. Я вот туда прихожу, сижу просто, могу с кошкой сидеть. Или просто могу закрыть глаза, отвернусь или просто посмотрю, как будто что-то ищу. У меня полгорода… Я уважаемый человек. Это значит, потому что я за собой слежу. И они мне дают. Ну, бывает, что мелочевку, бывает, что так. Вот на это я живу.* (Интервью № 9, Марина, стаж бездомности больше 15 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Как правило, милостыню просят у церквей и у переходов в метро. Женщины, занимавшиеся попрошайничеством, рассказывали про беременность как преимущество перед остальными, когда просишь милостыню.

> *Инф.: Я в* [место] *стояла на паперти пять лет, там очень много денег.*
> *Инт.: Сколько в день примерно можно заработать?*

Инф.: Мне везло тем, что я сначала беременная была. Вот так в общем у меня штука-полторы было. (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

Отдельный заработок приносит сбор металлолома и обмен ценных вещей, найденных на помойках. Однако здесь тоже есть большая конкуренция, многие места сбора уже заняты отдельными группами бездомных, и новеньких не пускают. Вещи, найденные на помойках, можно не только обменять на что-то полезное, но и подарить друг другу внутри своей группы, с которой живешь. Нина рассказывала, что ей делают подарки ухаживающие за ней мужчины.

Инф. м2 (мужчина — сосед по заброшенному дому, бывший партнер Нины, которого она поменяла, когда он сел в тюрьму): А так по улице выручают все, есть люди хорошие, находим много чего, вот эти телефоны (показывает на мой) отдыхают. И золото, и все. Мне на день рождения Руслан подошел, дай бог ему здоровья, мы сидели с похмелья. Ванька, протяни руку. Протянул. Он мне хуяк, иди.

Инф.: Золотую цепочку подарил. Я тоже сколько находила. (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

Мелкие кражи также входят в практики бездомных, но чаще как крайняя мера в «голодные» время, так как кражи — это определенный риск.

Металл я собирала, банки, бутылки… бутылки — нет, тяжелые, банки и что-то находили из вещей, так просто я в скупку продавала. На рынке не воровала, потому что не умею, о чем сожалею. Надо учиться. Кого-то взять в учителя. Вот. (Интервью № 3, Наталья Алексеевна, 51 год, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Отношения с «другими», не относящимися к бездомным, строятся по принципу «полезный/неполезный». С жильцами дома, в подвале или на чердаке которого живут бездомные (это могут быть и жители соседнего, жилого дома, если бездомные живут в заброшенном доме), нужно вести максимально неприметно, чтобы не создавать проблем.

Ну, на чердаке там горячая в одном месте была, холодная в другом. У нас ванная там была, не знаю, каким чудом они ее принесли. Мы в ней стирали. Но только днем, ночью было все слышно. А днем там даже девочка этажом ниже пела, и мы слышали, и стирали. Никто не знал, что мы живем там, Мы, наверное, наоборот, ждали пока что все уйдут, заснут, чтобы пройти. О нас знали только антенщики, удивлялись, какие у нас условия. Один там перепил и пришел к нам. (Интервью № 4, Аня, 35 лет, стаж бездомности больше 20 лет, на момент интервью проживала в приюте, в дальнейшем съехала в хостел)

С дворниками, работниками коммунальных служб нужно дружить, по возможности помогать. Только так тебя могут не выгнать из обжитого места.

> *Гоняли! То дворники придут, с дворниками находили общий язык. А есть некоторые — выгоняют. Все, иди куда хочешь.* (Интервью № 15, Ольга, 36 л., стаж бездомности 19 лет, на момент интервью проживала в квартире мужа)

При более удачном стечении обстоятельств через дворников можно найти работу и даже жилье. Так, продолжая свой рассказ про дворников, Ольга рассказывает, как, познакомившись с дворником и завязав с ней дружеские отношения, ей удалось уйти с улицы на долгое время.

> *И она говорит: «Хотите подхалтурить? Ну, работу делать. Деньги нужны?» — «Нужны». Ну, я сама такой человек, я работы не боюсь.* (Интервью № 13, Елена, 59 лет, стаж бездомности больше 20 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Также полезными могут оказаться знакомства с местными жителями — одинокими пожилыми людьми и людьми с алкогольной зависимостью. Первые за общение могут делиться своей пенсией, пускать в дом помыться; у вторых также можно мыться и какое-то время оставаться пожить.

> *Сегодня бабушку надо выгулять, у бабушки пенсия сегодня.* (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

«Неполезные» — люди, гуляющие по заброшенным домам, случайные прохожие, подростки, которые могут залезть, обворовать или просто устроить бардак. От них принято прятаться, располагать жилые помещения как можно дальше от входа и в случае чего защищать свой «дом».

> *Инт.: Что вы делаете, чтобы сюда никто не залез?*
> *Инф.: Кого ловим, пиздим, а что делать-то. Я на утро оставила шкалик, просыпаюсь, целый контейнер салата сделала, все, нету* (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

Без дома: способы совладания с бездомностью среди женщин

Способы совладания бездомных женщин со своей ситуацией, как правило, зависят от того, сколько времени они провели на улице. Чем дольше женщина находится на улице, тем больше у нее появляется социальных связей, способов заработка и поиска пропитания, вариантов для ночлега и тем меньше она будет стремиться вернуться к общепринятой жизни. Я выделяю способы совладания с бездомностью в зависимости от срока бездомности.

Как только женщина попадает на улицу (особенно если это происходит резко, например в результате несчастного случая), она оказывается в нестандартной, стрессовой для себя ситуации.

Я ниче не думала, я была в шоке. Да я вообще не знала, что мне делать. Это было ужасно (начинает плакать). Я еще потом… эта женщина подошла, сказала мне, куда идти, но это уже поздно было, все было закрыто. И я всю ночь ходила по улицам бродила. Вообще ужасно! Холодно… вообще жесть. (Интервью № 10, Саша, 31 год, стаж бездомности год, на момент интервью проживала в приюте)

В данной ситуации человек дезориентирован, полагается на волю случая.

И где-то неделю я была на вокзале, потом ко мне подошел мужик какой-то, я его очень боялась, он всю неделю на меня пялился-пялился, я думала, какой-то маньяк. Вот. Потом он ко мне подошел и сказал: «Воробушек, ты тут, говорит, погибнешь». Вот тебе типа номер телефона, адрес. Ты, говорит, поезжай туда, там тебе помогут. Вот, и я туда поехала, это называется… «Ночлежка». (Интервью № 11, Галя, 36 лет, стаж бездомности несколько месяцев, на момент интервью проживала в приюте)

У женщин изначально не было ресурсов для того, чтобы справиться с возникшей ситуацией — не было ни возможности обратиться к родственникам или друзьям, ни работы, ни денег на первое время, поэтому они просто отправились «бродить» по городу или в места, где много людей (например, Галя пошла на вокзал, где ей и подсказали, куда можно обратиться за помощью). Ситуация представляется им ненормальной, и они стремятся выйти из нее как можно скорее, в том числе обращаясь за любой помощью (например, в благотворительные организации).

Другая стратегия, которую выбирает большинство информанток, — использование своего социального капитала для поиска дома, то есть обращение к родственникам и друзьям.

Жила… на улице. Ну… первое время жила у знакомых. У соседей, у знакомых. У кого неделю, у кого две, у кого месяц жила вот так вот. Ну… люди выручали просто-напросто. Вот. Кто подкармливал, кто одежду, все это… Помогали кто чем мог. Вот. В общем, я работала маленько. (Интервью № 13, Елена, 59 лет, стаж бездомности больше 20 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Если во время проживания у родственников и друзей женщина не может восстановить свои прежние ресурсы (восстановить документы, устроиться на работу), она снова оказывается в ситуации бездомности. Здесь женщины могут использовать то, что некоторые исследователи женской бездомности называют «женским капиталом» [Skeggs, 2001], то есть тело, секс, на который можно обменять проживание у мужчины. Некоторые информантки рассказывают, как, чтобы избежать уличной жизни, жили с мужчинами, у которых было жилье.

Выгнал, но до этого я жила… год у него… А потом уже после года, я уже… не жила с ним. Вот так я блуждала, ходила, ходила. Потом ухаживала за человеком 12 лет, который умер. (Интервью № 9, Марина, стаж бездомности больше 15 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Также женщины могут искать работу, предусматривающую проживание. Например, работа дворником или уход за пожилыми людьми и инвалидами. Данная работа стереотипно маркируется как «женская».

> *Она говорит: вот я комнату дам, живи, говорит, только ухаживай за мной. Она сама больная, ходить не может. Ей надо было подмыть ее, умыть, вот так вот. Покушать сварить, принести. Она вот на одном месте лежала, переворачиваться, полненькая, переворачивать. Ну, у нее пролежни пошли, ухаживать за ней.* (Интервью № 12, Лидия, 67 лет, стаж бездомности 3 года, на момент интервью проживала в приюте)

Женщины, прожившие на улице от полугода, постепенно адаптируются к ситуации, создают себе приемлемые для жизни условия — находят место для ночлега, компаньона-партнера, с которым будет безопасно, осваивают новые способы заработка (например, попрошайничество, сбор металлолома). В данных случаях способ совладания с бездомностью — нормализация и создание дома там, где его нет:

> *Дом, который мы оборудовали и живем, это уже дом для нас получается, правильно?* (Интервью № 2, Нина, 42 года, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в заброшенном доме)

В государственные и благотворительные организации, помогающие бездомным, женщины обращаются в двух случаях: когда стаж бездомности совсем небольшой и в случае серьезных проблем со здоровьем — когда жить на улице и поддерживать прежний уровень жизни становится невозможно.

> *На улице спала позапрошлым летом. Скорую соседи уже вызвали, когда у меня полностью отказали ноги, недели две мучали, потом отказали полностью. Вот соседи вызвали мне скорую. Скорая меня уже в больницу, я в Боткина лежала, потом приехали сестры (милосердия) за мной. Я попала на Жуковского в Дом милосердия, там была, потом прошла реабилитацию в «Доме на горе». Не пью сейчас. Ну.* (Интервью № 3, Наталья Алексеевна, 51 год, стаж бездомности 17 лет, на момент интервью проживала в приюте)

Заключение

Бездомные стремятся воссоздать дом в условиях, которые им доступны. Для этого они используют бесхозные помещения, изначально не предназначенные для проживания, и помещения, которые когда-то были жилыми. Иногда в качестве дома могут использоваться самодельные шалаши, однако информантки отмечают, что они недолговечны и могут стать мишенью для вандалов, соответственно, небезопасны.

В этом «доме» женщины стремятся в первую очередь обеспечить свои базовые потребности — в гигиене и тепле. Для этого они совместно с партнерами или компаньонами проводят электричество, подсоединяются к водопроводу дома, находят базовые вещи — кровати, посуду, плиту и так далее.

Одновременно с появлением «дома» возникают личные границы «дома» и семьи, которая там проживает. Бездомные ходят друг к другу в гости, принося обязательные атрибуты дружеских посиделок: алкоголь, сладкое, другие подарки. У бездомных распространена практика дарения найденных вещей.

Бездомные женщины по-разному организуют свою жизнь и прибегают к различным стратегиям выживания в ситуации бездомности, среди которых: использование «женского капитала», социальных связей и ресурсов, общественных пространств, поиск мужчины, обращение за помощью в благотворительные организации и другие. На разных этапах ситуации бездомности женщины используют различные стратегии выживания.

Оказавшись на улице, бездомные стремятся воссоздать дом в условиях, которые им доступны. Для этого они используют бесхозные помещения, самодельные шалаши. В этом доме, в первую очередь, женщины стремятся обеспечить свои базовые потребности — потребность в гигиене и тепле. Другие вещи маркируются как нормализующие дом. Они не нужны для выживания, но важны для нормализации своей жизни. Среди таких вещей можно выделить неработающий, но нужный в «доме» телевизор, туалетный столик как атрибут женской повседневности, а также ванна — необязательный, но желаемый маркер «дома». Бездомные заводят животных, которые для них становятся домашними. Им присваивают клички, кормят, делают лежанки.

Маркеры дома имеют ограничения вследствие того, что дом бездомного имеет свой срок существования. Как правило, не больше года, двух лет и зависит от местоположения (в заброшенных домах живут дольше, чем на чердаках или подвалах) и отношений с соседями —жильцами этого дома.

В ходе исследования выявлены три способа совладания с бездомностью: обращение за помощью в благотворительные организации; обращение за помощью к родственникам и друзьям; нормализация жизни на улице. Однако, в зависимости от ситуации, женщина может использовать несколько способов, особенно если бездомность носит эпизодический характер.

Партнерство как одна из стратегий бездомности выявилось в нарративах многих участниц исследования. Бездомные женщины могут вступать в партнерства как с женщинами, так и с мужчинами, но во время жизни на улице именно мужчины чаще становились партнерами моих информанток. Жизнь с партнером-мужчиной в обмен на жилье описывают многие зарубежные исследователи (например, [Evans, Forsyth, 2004]).

Изучая женскую бездомность, многие ученые источником дохода бездомных женщин называют секс-работу [Watson, 2000]. В моем же исследовании ни одна из информанток не называла данный вид заработка в своем опыте выживания на улице. Эксперты также подтверждают, что в России среди бездомных женщин занятия проституцией не распространены (но этот тезис нуждается в дополнительных исследованиях).

Несмотря на то, что мной были выделены общие стратегии выживания, совладания и адаптации к бездомной жизни, следует сказать, что бездомные женщины остаются гетерогенной группой: каждая бездомная женщина переживает свой собственный опыт бездомности. В моем исследовании представлены не все группы

бездомных женщин, не рассмотрена ситуация скрытой бездомности, нет опыта бездомных матерей, проживающих на улице с детьми. Для того чтобы полнее охватить опыт женской бездомности, необходимо проводить дальнейшие исследования.

Список литературы (References)

Алексеева Л. С. Бездомные в России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 56—62.
Alexeeva L. S. (2003) The Homeless in Russia. *Sociological Studies*. No. 9. P. 56—62.

Коваленко Е. А., Строкова Е. Л. Бездомность: есть ли выход? М.: Фонд «Институт экономики города», 2010.
Kovalenko E. A., Strokova E. L. (2010) Homelessness: Is There a Way Out? Moscow: The Institute for Urban Economics. (In Russ.)

Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования. СПб., 2007.
Social and Legal Aspects of the Problem of Homelessness in Russia. Based on the Materials of an Interregional Study (2007) Saint Petersburg. (In Russ.)

Социологический портрет бездомного (по данным межрегионального исследования «Правовые и социальные аспекты проблемы бездомности», 2006 год) // Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения. Вестник межрегиональной сети «За преодоление социальной исключенности». Вып. 1. СПб., 2008.
Sociological Portrait of a Homeless Person (According to the Data of the Interregional Study "Legal and Social Aspects of the Problem of Homelessness", 2006) (2008) *Homelessness in Contemporary Russia: Problems and Ways to Solve Them. Bulletin of the Interregional Network "For Overcoming Social Exclusion"*. Vol. 1. Saint Petersburg. (In Russ.)

Anderson N. (1923) The Hobo: The Sociology of the Homeless Man. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Austerberry H., Watson S. (1981) A Woman's Place: A Feminist Approach to Housing in Britain. *Feminist Review*. Vol. 8. No. 1. P. 49—62. https://doi.org/10.1057/fr.1981.11.

Austerberry H., Watson S. (1983) Women on the Margins: A Study of Single Women's Housing Problems. London: Housing Research Group.

Burt M. R., Cohen B. E. (1989) Differences Among Homeless Single Women, Women with Children, and Single Men. *Social Problems*. Vol. 36. No. 5. P. 508—524. https://doi.org/10.2307/3096815.

Bird M., Rhoades H., Lahey J., Cederbaum J., Wenzel S. (2017) Life Goals and Gender Differences Among Chronically Homeless Individuals Entering Permanent Supportive Housing. *Journal of Social Distress of Homeless*. Vol. 26. No. 1. P. 9—15. https://doi.org/10.1080/10530789.2016.1274570.

Casey R., Goudie R., Reeve K. (2008) Homeless Women in Public Spaces: Strategies of Resistance. *Housing Studies*. Vol. 23. No. 6. P. 899—916. https://doi.org/10.1080/02673030802416627.

Easthope H. (2004). A Place Called Home. *Housing, Theory and Society*. Vol. 21. No 3. P. 128—138. https://doi.org/10.1080/14036090410021360.

Edgar B., Doherty J. (2001) Women and Homelessness in Europe. Pathways, Services and Experiences. Bristol: The Policy Press.

Evans R., Forsyth C. J. (2004) Risk Factors, Endurance of Victimization, and Survival Strategies: The Impact of the Structural Location of Men and Women on Their Experiences Within Homeless Milieus. *Sociological Spectrum.* Vol. 24. No. 4. P. 479—505. https://doi.org/10.1080/02732170390260413.

Finfgeld-Connett D. (2010) Becoming Homeless, Being Homeless, and Resolving Homelessness Among Women. *Issues in Mental Health Nursing*. Vol. 31. No. 7. P. 461—469. http://dx.doi.org/10.3109/01612840903586404.

Gilfus M. E. (2006) From Victims to Survivors to Offenders: Women's Routes of Entry and Immersion into Street Crime. In: Alarid L., Cromwell P. (eds.) *Her Own Words: Women Offenders' Views on Crime and Victimization*. Los Angeles, CA: Roxbury. P. 5—14.

Höjdestrand T. (2009) Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in Post-Socialist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Hoolachan J. (2016) Ethnography and Homelessness Research. *International Journal of Housing Policy.* Vol. 16. No. 1. P. 31—49. https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1076625.

Kaika M. (2004) Interrogating the Geographies of the Familiar: Domesticating Nature and Constructing the Autonomy of the Modern Home. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 28. No. 2. P. 265—286. https://doi.org/10.1111/j.0309-1317.2004.00519.x.

Klitzing S. W. (2003) Coping with Chronic Stress: Leisure and Women Who Are Homeless. *Leisure Sciences*. Vol. 25. No. 2—3. P. 163—181. https://doi.org/10.1080/01490400306564.

Klodawsky F. (2009) Home Spaces and Rights to the City: Thinking Social Justice for Chronically Homeless Women. *Urban Geography.* Vol. 30. No. 6. P. 591—610. https://doi.org/10.2747/0272-3638.30.6.591.

Lawrence M. (1995) Rural Homelessness: A Geography without a Geography. *Journal of Rural Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 297—307. https://doi.org/10.1016/0743-0167(95)00025-I.

Lenon S. (2000) Living on the Edge: Women, Poverty and Homelessness in Canada. *Canadian Woman Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 123—126.

Mallett S., Rosenthal D., Keys D. (2005) Young People, Drug Use and Family Conflict: Pathways into Homelessness. *Journal of Adolescence*. Vol. 28. No. 2. P. 185—199. https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2005.02.002.

Mayock P., Bretherton J. (eds.) (2016) Women's Homelessness in Europe. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-54516-9.

Malos E., Hague G. (1997) Women, Housing, Homelessness, and Domestic Violence. Women's Studies International Forum. Vol. 20. No. 3. P. 397—409. https://doi.org/10.1016/S0277-5395(97)00023-X.

Massey D. B. (1995) The Conceptualization of Place. In: Massey D. B., Jess P. (eds.) *A Place in the World? Places, Cultures and Globalization.* Oxford; New York, NY: Oxford University Press. P. 45—85.

Moore J. (2007) Polarity or Integration? Towards a Fuller Understanding of Home and Homelessness. *Journal of Architectural and Planning Research*. Vol. 24. No. 2. P. 143—159.

Moore R. (2014) Coping with Homelessness: an Expectant Mother's Homeless Pathway. *Housing, Care and Support*. Vol. 17. No. 3. P. 142—150. https://doi.org/10.1108/HCS-02-2014-0002.

Oudshoorn A., Berkum A. V., Loon C. V. (2018) A History of Women's Homelessness: The Making of a Crisis. *Journal of Social Inclusion.* Vol. 9. No. 1. P. 5—20. http://doi.org/10.36251/josi.128.

Özbilgin M. F., Beauregard T. A., Tatli A., Bell M. P. (2011) Work-Life, Diversity and Intersectionality: A Critical Review and Research Agenda. *International Journal of Management Reviews.* Vol. 13. No. 2. P. 177—198. https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2010.00291.x.

Padgett D. K. (2007). TThere's No Place Like (a) Home: Ontological Security among Persons with Serious Mental Illness in the United States. *Social Science & Medicine*. Vol. 64. No. 9. P. 1925—1936. http://doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.02.011.

Passaro J. (1996) The Unequal Homeless: Men on the Streets, Women in Their Place. New York, NY: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315021690.

Skeggs B. (2001) Feminist Ethnography. In: Atkinson P., Coffey A., Delamont S., Lofland J., Lofland L. (eds.) *Handbook of Ethnography*. London: Sage. P. 426—442.

Somerville P. (1992) Homelessness and the Meaning of Home: Rooflessness or Rootlessness? *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 16. No. 4. P. 529—539. https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.1992.tb00194.x.

Takahashi L., McElroy J., Rowe S. (2002) The Sociospatial Stigmatization of Homeless Women with Children. *Urban Geography.* Vol. 23. No. 4. P. 301—322. https://doi.org/10.2747/0272-3638.23.4.301.

Watson S. (1984) Definitions of Homelessness: A Feminist Perspective. *Critical Social Policy*. Vol. 4. No. 11. P. 60—73. https://doi.org/10.1177/026101838400401106.

Watson S. (2000) Homelessness Revisited: New Reflections on Old Paradigms. *Urban Policy and Research.* Vol. 18. No. 2. P. 159—170. https://doi.org/10.1080/08111140008727830.

Wardhaugh J. (1999) The Unaccommodated Woman: Home, Homelessness and Identity. *The Sociological Review.* Vol. 47. No. 1. P. 91—109. https://doi.org/10.1111/1467-954X.00164.

Wesely J. K. (2009) «Mom Said We Had a Money Maker»: Sexualization and Survival Contexts among Homeless Women. *Symbolic Interaction*. Vol. 32. No. 2. P. 91—105. https://doi.org/10.1525/si.2009.32.2.91.

Williams M. (2001) Complexity, Probability and Causation: Implications for Homelessness Research. *Journal of Social Issues*. Vol. 1. No. 2. URL: http://www.whb.co.uk/socialissues/mw.htm (accessed: 17.08.2020).